

КАКУДЗО ОКАКУРА

ЧАЙНАЯ

ЦЕРЕМОНИЯ
В ЯПОНИИ

Какудзо Окакура

Чайная церемония в Японии

«Центрполиграф»

Оакура К.

Чайная церемония в Японии / К. Оакура — «Центрполиграф»,

Японский писатель и искусствовед Какудзо Оакура создавал свою, ставшую легендарной книгу для устного чтения в салоне Изабеллы Стюарт Гаднер, основателя частной художественной галереи. Адресованная западной аудитории, она стала классикой для любителей чая во всем мире. Полное глубоких мыслей и не менее глубоких чувств издание посвящено роли чая и созданному вокруг него культу – тиизму – в этике и эстетике Японии. В нем правила создания чайного павильона, тонкости чайной церемонии и способы аранжировки цветов переплетаются с трактовками и постулатами трудов Конфуция, Лао-цзы, Будды, с легендами Китая и Японии, с историями из жизни знаменитых воинов, чайных мастеров и великих правителей Востока. Читая это эссе, можно не только понять основные идеи восточных учений, но и почувствовать восхитительное изящество и удивительную поэтичность восточного восприятия мира.

© Оакура К.

© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Какудзо Окакура

Чайная церемония в Японии

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Предисловие

Во второй половине XIX века, с началом правления императора Мэйдзи, народ Японии вступил на путь великой модернизации хозяйства своей страны. Ее правители прекрасно сознавали, что для выживания народа Японии как нации ему не обойтись без того, чтобы сравняться по силе с «белым бедствием», пришедшим на острова Страны восходящего солнца с commodором Мэтью Перри. Правительство Мэйдзи пригласило ученых самых разных специальностей, в том числе военных специалистов, из ведущих стран Запада и основало новые учебные заведения, в которых намечалось готовить молодое поколение японцев к новой жизни. Наиболее перспективных выпускников этих японских учебных заведений потом посылали в Европу и Америку перенимать новые науки, что называется, из первых рук. Составленные программы первоначально казались простыми, так как обучение молодых людей продвигалось вполне успешно. Только вот в скором времени возникли большие затруднения. Модернизация, как стало совершенно очевидно, требовала гораздо большего, чем просто отказ от загадочных старых китайских физических основ жизни и усвоение открытий барона Гельмгольца или лорда Кельвина, а также получение санкции на открытие в Токио иностранных посольств или устройство железнодорожных насыпей для путей сквозь светлые древние леса из туи. Постепенно открывалась истина, состоявшая в том, что модернизация требует кардинальной перемены всего жизненного уклада японского народа.

Подавляющее большинство японцев приняло новые идеи с присущим им смирением. Члены древних феодальных семей натянули брюки, научились сидеть на стульях и занялись коммерческой деятельностью, которая прежде считалась делом унижительным. Они пытались думать в манере европейцев и даже пробовали употреблять в пищу говядину (запрещенную для буддистов), хотя во время еды их часто тошнило.

Не все японцы, однако, были готовы мириться с программой своего правительства. Многие считали, что от них требуют слишком большие жертвы и слишком большие ценности хотят отнять. Другие сопротивлялись переменам из корыстных побуждений. Первое сопротивление в 1860-х годах отличалось прямотой и ожесточением, когда сегуны подобно рыцарям Фруасара подняли мятеж, но потерпели поражение, когда в дело ввели регулярную армию. Представители следующего поколения тем не менее в ту же самую эпоху, когда в Индии появились мыслитель-гуманист Вивекананда Свами, а также писатель и общественный деятель Рабиндранат Тагор, подняли новый, более решительный мятеж против насаждения западной культуры. Стоит отметить, что в Индии реакция на вестернизацию носила религиозную и политическую окраску, а в Японии – нравственную и эстетическую.

Среди самых заметных японских эстетов конца XIX века, которые попытались сохранить ипомею (цветок утреннего сияния) в ходе пересадки этого растения с помощью добавления древней почвы на его корни, числится Какудзо Окакура, написавший на английском языке классическое эссе «Чайная церемония в Японии».

До середины XIX века родственники Окакуры числились самураями в префектуре Фукуи, но потом отец Какудзо Окакуры занялся торговлей шелком и переехал в Йокогаму, где в 1862 году родился Какудзо. Его семья жила в достатке, и Окакуру отправили учиться в Токийский императорский университет, а потом институт английского языка, где ему в 1880 году присвоили степень магистра гуманитарных наук с похвальными грамотами по философии и английской литературе. К тому времени он уже неплохо владел китайским языком.

Одно из основополагающих тезисов восточной философии, существовавших еще до Конфуция, состояло в предположении о том, что вселенной управляют сменяющие друг друга диаметрально противоположные силы, такие как день и ночь. По-китайски они называются «ян» и «инь». Одно понятие связывается с темнотой и женским началом, второе – со светом и мужским началом. Инь и ян торжествуют свой срок, но внутри каждого из них, наподобие корней или драгоценных камней, вызревает противоположная сила, в установленное время выходящая на поверхность во всей красе. То же самое происходило с юным Окакурой, ведь в самый

разгар вестернизации он обучался в Токийском императорском университете и узнавал ценность культуры своего собственного народа на курсе знаменитого американского философа, этнографа и педагога Эрнеста Франциска Феноллозы. Познавший науки в Гарварде выходец из Новой Англии, Феноллоза приплыл в Токио преподавать философию и политологию, однако ему не удалось устоять перед очарованием традиционных видов искусства и культурой Японии. Как никто другой, Феноллоза способствовал приостановке вестернизации в японском искусстве и пробудил новый интерес к национальному наследию Японии.

Нынешнему европейцу трудно себе представить, сколь много из старой Японии было выброшено на свалку истории ради безоговорочного подражания Западу. Учителя государственных школ помешались на внедрении европейских воззрений в качестве истины в последней инстанции, а традиционные японские предметы либо высмеивались, либо замалчивались. Дошло до того, что даже традиционную чернильную кисточку, совершенствовавшуюся на протяжении столетий для рисования и письма, в школе запретили, а ее место заняла неуклюжая западная кисть для масляных красок. А сокровища древнего японского искусства теперь не только не понимали, но подчас даже воспринимали с некоторым замешательством. В старых семьях, нуждавшихся в деньгах для нового денежного хозяйства, за бесценок продавали фамильные ценности. И даже можно вспомнить случаи, когда настоятели монастырей и храмов продавали на дрова вышедшие из моды деревянные изваяния Будды. Все наиболее достойные предметы японского искусства скупали по сказочно низкой цене знающие в этом толк американцы типа Феноллозы, Эдуарда Морзе и Вильяма Бигелоу. И теперь японцам, чтобы посмотреть на свое национальное наследие, приходится отправляться в Америку.

Феноллоза, с его энергией и мобильностью, служил достойным примером для Оакуры и всех остальных японцев, и эти два человека работали в тесной связке, причем Оакура служил Феноллозе переводчиком во время занятий и путешествий по стране. Они начали получать поддержку властей и с директивой правительства на руках провести инвентаризацию религиозных предметов искусства занялись исследованием хранилищ древних реликвий, сбором и сохранением сохранившихся на тот момент сокровищ. Ван Вик Брукс в своей книге «Феноллоза и его круг» (*Fenollosa and His Circle*) прекрасно передает восторг, с которым Оакура и Феноллоза извлекали шедевр за шедевром из чуланов, камер хранения и заброшенных помещений храмов. Их труд был достойно оценен, и, когда власти Японии неожиданно отвернулись от Запада, Феноллоза наряду с многочисленными наградами в 1886 году удостоился поручения императора на изучение истории искусства и музейных технологий в Европе. С ним в Европу отправились Оакура и еще один японец.

После возвращения в Японию, однако, пути Оакуры и Феноллозы разошлись, так как при всем взаимном уважении и общности интересов они сочли невозможным продолжать совместную работу. Причины разрыва заключались в характерах этих двух людей, отличавшихся редкой целеустремленностью, большим самомнением и повышенной эмоциональностью, когда речь заходила об искусстве. К тому же Оакура заметно обошел в их деле Феноллозу, который так и не овладел в необходимой степени восточными языками. В 1890 году энергичный Феноллоза покинул Японию и устроился куратором экспозиции предметов восточного ремесла в Бостонском музее изобразительного искусства. А Оакура, фактически возглавивший движение по сохранению исторического наследия своей страны и Токийскую школу искусств, начал самостоятельную карьеру.

Несговорчивый, пребывающий в состоянии постоянных личных раздоров и участник всех дворцовых интриг, Оакура в 1898 году попал в жесткую опалу своего правительства. Его вынудили подать в отставку с официального поста. Что он и сделал, а потом основал новую школу под названием Учреждение японского искусства, где преподавались различные виды искусства и их философское положение в пределах Великой традиции. Он открыл восточную школу самого крайнего толка: ни у кого не возникало иллюзий по поводу того, кто там служил

главным и чье мнение виделось всем предельно ясным. Школа была чисто азиатской, так как на протяжении своего становления как личности Оакура пришел к признанию того факта, что массовая замена традиционных культурных устоев на заимствованные из других культур, другого общества касается не только японцев, но и остальных азиатских народов. Он пришел к выводу о том, что культура Индии и Китая (основных источников азиатской цивилизации) вместе с культурой Японии выступают составными частями большой традиционной культуры, диаметрально противоположной концепциям западников, помешанных на эволюции. Постепенно им овладевало убеждение в том, что его миссия на земле состоит в «предохранении и восстановлении азиатских принципов мышления и жизни». В 1902 году он съездил в Бенгалию к Рабиндранату Тагору, где удостоился пышного приема, ведь он уже считался фигурой азиатского масштаба. Индийцы с большим энтузиазмом восприняли его основополагающее воззрение: «Старинное искусство Азии представляет большую ценность, чем искусство любых современных школ. Точно так же, как процесс идеализации, а не подражания представляет собой суть порыва в искусстве».

При всем этом не обошлось без сложностей: власти отказали в финансировании школы Оакуры, а потребность в фондах для школы ощущалась очень остро. В сложившейся ситуации Оакура собрал несколько предметов искусства и отправился в Америку, где соответствующий рынок находился в очень оживленном состоянии, чтобы их продать. Наступил решающий момент в его жизни, напоминавший тот, когда он познакомился с Феноллозой, так как Оакура остался в Америке, найдя для себя в Бостоне тихую гавань, которую ему не удалось отыскать в Японии.

В Америке Оакура восстановил дружбу с художником Джоном Лафаргом, с которым он познакомился за несколько лет до этого, когда тот с Генри Адамсом приезжал в Японию. В Бостоне Лафарг представил его Изабелле Стюарт Гарднер, чей потрясающий дворец в стиле итальянского ренессанса превращался в центр движения эклектики в искусстве.

«Его можно назвать самым грамотным ценителем искусства, – писал Лафарг миссис Гарднер, – я бы даже сказал, что всего, с чем я познакомился в этой жизни. Его богатейшие знания в определенной мере уравниваются его пониманием бесполезности многого из того, в чем он разбирается». Такая реляция выглядит весьма уместной, так как Оакура считался весьма эрудированным человеком и по западным, и по восточным меркам, к тому же его отличало убеждение в том, что знания должны приносить пользу.

Оакура порадовал миссис Гарднер и ее окружение своим умением передать очарование Востока вместе с весьма солидным объемом знаний. Он продал привезенные с собой художественные произведения институту, отправил своих спутников назад в Японию с вырученными деньгами и решил остаться в Америке. Он читал лекции по искусству Востока и через связи миссис Гарднер получил право обратиться к участникам Международной конференции по культуре и литературе, прибывшим на Международную выставку, состоявшуюся в Сент-Луисе в 1904 году. Его речь выслушали с большим вниманием, как и Свами Вивекананда в Чикаго за несколько лет до этого, ведь американцы проявляли живой интерес к грамотным гостям из Азии.

Внешне параллельные пути Оакуры и Феноллозы продолжали пересекаться и тяготеть друг к другу. Феноллоза по неясной до сих пор причине оставил Бостонский музей изобразительного искусства. В 1906 году Оакура устроился советником, а с 1911 года служил куратором китайского и японского искусства.

С его выбором очень повезло, так как его заботами коллекцию удалось довести до невиданного за все время совершенства. Причем для ремонта и восстановления поврежденных шедевров в Бостоне образовалась целая колония японских реставраторов. Восточная коллекция Бостонского музея получила мировое признание, и говорили, что благодаря Оакуре изучение восточного искусства на Западе достигло своей первой зрелости. Он делал акцент на

системном занятии целыми разделами искусства (а не отдельными шедеврами) и каждый сезон отправлялся на Восток для сбора новых художественных работ.

Если хотя бы половина легенд о его поездках в Китай представляет собой правду, они могли послужить сюжетом для прекрасных повестей. В своих поездках он менял внешность, цеплял на голову накладную косичку ханьца (свиной хвостик натурального китайца) и полагался на свои знания китайского языка, который, как говорится, должен был довести его до самых отдаленных уголков беспокойной империи. У него получилось добыть сказочные художественные ценности во времена, когда китайские коллекционеры в панике прятали свои сокровища, чтобы их не конфисковали маньчжурские власти. С полной уверенностью можно утверждать, что без таких поездок американские коллекции китайских произведений искусства были бы значительно беднее.

На протяжении данного периода, когда он исступленно занимался образованием, коллекционированием, классификацией произведений искусства, чтением лекций и путешествиями, Оакура к тому же умудрялся писать многочисленные статьи для американских и азиатских журналов. Еще при жизни он увидел выход в свет трех своих книг: «Идеалы Востока» (*The Ideals of the East*, 1903), «Пробуждение Японии» (*The Awakening of Japan*, 1904) и «Чайная церемония в Японии» (*The Book of Tea*, 1906). Четвертая книга – «Сердце небес» (*The Heart of Heaven*) вышла в 1922 году, через девять лет после смерти автора.

В 1913 году он вернулся в Японию к жене и детям, которых до этого посещал раз в год, а в сентябре до Бостона дошла весть о его смерти от гриппа. Американцы скорбели о его уходе, но Оакуру до сих пор помнят в США как автора «Чайной церемонии в Японии».

До сих пор я писал об Оакуре как об источнике энергии, который в этой жизни кое-что сделал, как о непоседе, внесшем громадный вклад в изменение хода истории. Что же он был за человек?

На такой вопрос сразу не ответишь, ведь в его личности странным образом перемешались гениальность и инфантилизм, способность к всепроникающему предвидению и реакция страуса, прячущего от страха голову в песок. В этой жизни ему была предназначена великая миссия, а он не мог избавиться от противоречий, которые часто движут миссионерами. С друзьями он был обходительным и очаровательным человеком, но с теми, кто его раздражал (а таких хватало, так как Оакура не терпел возражений), это был человек высокомерный, раздражительный и острый на язык. Он имел ясное представление об опасностях, грозящих японской культуре во время, когда «прогресс» толковался наивными людьми в Западном и Восточном полушарии. При этом большие страдания ему доставляла культурная ограниченность. Стоит вспомнить о его сентиментальной преданности наиболее нелепым мелочам японской истории, и часто он не мог отличить хлам и наносы мертвого прошлого от слабых проявлений живой традиции, заслуживающих самого тщательного ухода. Освальд Сирен очень точно подмечает эту его раздвоенность, когда говорит: «Оакура относится к той редкой категории людей, в ком интуитивное восприятие, быть может несколько неопределенное, всего японского накладывалось на аналитические способности человека Западного полушария».

Возможно, нам удастся понять Оакуру и его «Чайную церемонию в Японии», если обратимся к его личности как многозначному явлению. Во-первых, речь идет об Оакуре-ученом. Безусловно, он относится к людям гениальным, к плеяде великих ученых-историков современного мира. Он знал Восток, как немногие его знали, ведь он овладел острым взглядом Запада и азиатскими знаниями Японии, Кореи, Китая и прочих стран. Для своего времени он обладал несравненными знаниями обо всех областях восточного искусства, а с индийской культурой был знаком не хуже, чем с культурой дальневосточной. К тому же его можно назвать выдающимся лингвистом, доказательством чего служат его книги, написанные на безупречном английском языке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.